

«ЖЕЛТАЯ КОФТА».

(Письмо изъ Москвы).

Успѣхъ новой постановки московскаго Свободнаго театра—китайской пьесы «Желтая кофта»—весьма знаменателенъ. Мы такъ устали отъ безплодныхъ споровъ о театрѣ, отъ сенсационныхъ драмъ въ родѣ «Екатерины Ивановны» и «Ревности», что незатѣливый, но брызжущій жизнью китайскій спектакль смотрится нами съ неожиданной улыбкой. Правда, «Желтая кофта»—продуктъ англо-саксонскаго творчества, но ея авторы Бенримо и Хазельтонъ положили въ основу ея китайскія легенды и самую структуру китайскаго театра, а Свободный театръ, инсценируя эту пьесу, проявилъ еще большее стараніе въ смыслѣ приближенія къ китайской сценѣ. Вотъ въ этой-то простотѣ постановки въ сущности и заключается «гвоздь» успѣха всей пьесы. Какъ ни трогательны отдѣльные эпизоды ея, какъ ни ярко и дѣйственно развитіе самой интриги—«Желтая кофта» едва ли бы вызвала такую улыбку на устахъ зрителя, если бы не повизна инсценировки. Въ этомъ смыслѣ главнымъ героемъ всего спектакля, какъ это ни странно, является «отецъ», нѣчто въ родѣ греческаго хора, который съ безстрастіемъ поясняетъ публикѣ ходъ дѣйствія и воображаемую смѣну декораций—г. Монаховъ. Этому превосходному артисту, талантъ котораго такъ быстро расцвѣтаетъ на сценѣ Свободнаго театра, «Желтая кофта» и обязана главнымъ образомъ своимъ успѣхомъ. Вторымъ героемъ постановки является... безжизненный Бутафоръ (г. Носенковъ) тоже превосходно играющій, который съ безучастностью рабочаго переставляетъ на сценѣ столы и прочія вещи, долженствующія символизировать цѣлыя декорации. Великій разъ, когда Бутафоръ выдвигаетъ столъ или палку, а отецъ поясняетъ, что это «гора» или «благородная плакучая ива», или когда онъ бросаетъ на полъ цвѣты, а отецъ утверждаетъ, что это «садъ»—публика весело смѣется. И дѣйствительно, эта китайская простота оставляетъ далеко за собой пресловутую простоту Шекспировскаго театра. Передъ лицомъ этой святой наивности и этой мудрой символики, какими суетными кажутся всѣ наши исканія въ области реализма, всѣ наши заправдашнія декорации и сверчки Художественнаго театра!

И однако возникаетъ вопросъ—точно ли свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ постановки эта наша улыбка. И хотѣлось бы задать этотъ вопросъ тѣмъ знатокамъ китайскаго театра, которые руководили постановкой «Желтой кофты»—улыбаются ли зрители—китайцы въ тѣхъ мѣстахъ, когда улыбаемся мы. Вотъ Ухугить, несчастный герой пьесы, отчаявшійся въ нахожденіи желтой кофты (т. е. царскаго трона) и невѣсты своей, «Цвѣтка Сливы», рѣшаетъ повѣситься. Бутафоръ приноситъ шестъ и табуретъ, а отецъ объявляетъ, что это «благородная плакучая ива» и что Ухугить вѣшается—и, разумеется, мы смѣемся. Но китайцы—быть можетъ они въ этомъ мѣстѣ плачутъ? Быть можетъ творческое воображеніе этого художественнаго народа настолько могуче, что онъ и безъ отца понимаетъ дѣйствія Бутафора и мысленно дорисовываетъ отсутствующую декорацию?

Во всякомъ случаѣ, китайская публика не стала бы улыбаться, когда «августѣйшая» Чима, злополучная первая жена великаго Усиньина, лишаетъ себя жизни, чтобы спасти своего ребенка, и по настоящей золоченой лѣстницѣ восходитъ на небо, къ предкамъ—т. е. во второй этажъ сцены. А намъ забавно это восхождение по лѣстницѣ—оно такъ непохоже на Метерлинка и Ибсена. При этомъ надо замѣтить, что въ Лондонѣ зрители «Желтой кофты» смѣются гораздо больше, нежели публика Свободнаго театра—послѣдній проявилъ большее чувство мѣры сравнительно съ лондонскими режиссерами. И если, все-таки, получается нѣчто въ родѣ «Кривого Зеркала»—то не есть ли это доказательство, что мы или уже переросли эту «августѣйшую» простоту или... еще не доросли до нея!

Но, какъ бы то ни было, постановка «Желтой кофты» является лучшимъ достиженіемъ Свободнаго театра и пробиваетъ брешь въ той стѣнѣ скептицизма, которая сложилась вокругъ его прежнихъ выступленій. Несомнѣнно передъ этимъ театромъ есть будущее.

Я. Т.—дѣ.